

Научная статья

УДК 343.8

Doi: 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.326-333

УГРОЗА ПРИМЕНЕНИЯ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННОГО КАК СПОСОБ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Александр Михайлович Плешаков¹, Геннадий Сергеевич Шкабин²

¹ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия

¹ pam7185@ya.ru

² uprzn@ya.ru

Аннотация. В статье проводится системный анализ объективных и субъективных критериев психического насилия в отношении осужденных как способа дезорганизации деятельности исправительного учреждения, рассматриваются цели совершения преступления со стороны лиц, их организующих, анализируется судебно-следственная практика признания завуалированной угрозы применения насилия как реальной или наличной.

Ключевые слова: угроза насилием, дезорганизация деятельности исправительного учреждения, насилие, осужденный, оказание содействия

Для цитирования

Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Угроза применения насилия в отношении осужденного как способ дезорганизации деятельности исправительного учреждения // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17(1–4), № 3. С. 326–333. DOI : 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.326-333.

Original article

THE THREAT OF VIOLENCE AGAINST A CONVICTED PERSON AS A WAY OF DISORGANIZING THE ACTIVITIES OF A CORRECTIONAL INSTITUTION

Aleksandr Mihajlovich Pleshakov¹, Gennadij Sergeevich Shkabin²

¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

¹ pam7185@ya.ru

² uprzn@ya.ru

Abstract. The article provides a systematic analysis of objective and subjective criteria of mental violence against convicts as a way of disorganizing the activities of a correctional institution. The purposes of committing a crime by the persons organizing them are considered. The article analyzes the judicial and investigative practice of recognizing a veiled threat of violence as real or present.

Keywords: угроза насилием, дезорганизация деятельности исправительного учреждения, насилие, осужденный, оказание содействия

For citation

Pleshakov, A.M. & Shkabin, G. S. 2022, 'The threat of violence against a convict as a way of disorganizing the activities of a correctional institution', *Penal law*, vol. 17(1–4), iss. 3, pp. 326–333, doi : 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.326-333.

В соответствии с ч. 1 ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» уголовной ответственности подлежит лицо, угрожающее применить насилие в отношении осужденного. Цель таких действий заключается в том, чтобы воспрепятствовать его исправлению или отомстить за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы (УИС). Объективные и субъективные признаки преступления должны находиться в неразрывной взаимосвязи – одно не может быть без другого. Квалифицированным составом преступления является угроза насилием, совершенная организованной группой (ч. 3 ст. 321 УК РФ). В практическом плане это означает, что такое воздействие на психику осужденного может непосредственно оказать любой из членов устойчивой группы лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК РФ). Разумеется, угроза насилием может быть доведена до сведения потерпевшего и через третьих лиц, действующих по требованию организованной группы.

Понятие «дезорганизация» включает в себя совокупность действий и последствий, направленных на разрушение любых социально организованных систем. В уголовно-правовой норме данный термин (через приставку «дез») означает нарушение виновным установленного порядка отбывания наказания, неподчинение дисциплине или нормативным правилам поведения в местах лишения свободы. Следовательно, дезорганизация деятельности направлена на разрушение общественных отношений по поводу нормального функционирования учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, порядка отбывания наказания, надзора за осужденными и за исполнением возложен-

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ных на них обязанностей, соблюдения законности и правопорядка, обеспечения личной безопасности осужденных, охраны их здоровья и т. д. [5, 7].

Угроза насилем в отношении лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, одновременно является и способом дезорганизации деятельности органов УИС. Способ представляет собой совокупность действий (приемов, методов), которые используются виновным для достижения преступного результата [13, 15]. В нашем случае дезорганизация деятельности осуществляется с помощью угрозы насилем, то есть деяние и способ как бы сливаются во времени и в пространстве и настолько тесно примыкают друг к другу, что, по существу, представляют собой единый акт преступного поведения. В теории уголовного права такое сложное общественно опасное деяние называют «преступление-способ» [6].

В свою очередь, угроза с социально-психологических позиций означает процесс запугивания, устрашения, обещание причинить зло, вред в данный момент или в ближайшем будущем [9]. Виновный за счет воздействия страхом стремится, во-первых, подавить волю потерпевшего к противодействию, а во-вторых, управлять его поведением. В уголовно-правовой доктрине такое принудительное воздействие на психику другого человека известно под общим названием «психическое насилие» [8, 12, 14]. Уголовная ответственность по ч. 1 ст. 321 УК РФ возможна за угрозу применения любого вида насилия: неопасного для жизни или здоровья осужденного; опасного для его телесных благ, вплоть до лишения жизни; неконкретизированного, то есть без указания на степень.

Психическое насилие как уголовно-правовая категория обладает рядом объективных и субъективных критериев. Устрашение должно быть реальным, наличным и преследовать конкретную цель. Реальность угрозы определяется формой ее выражения – она может доводиться до сведения осужденного устно (словесно), письменно, конклюдентно (жестами), путем демонстрации предметов, замещающих оружие (визуально), и т. д. Иными словами, реальность угрозы воспринимается на объективно-вербальном уровне. Угроза может быть как прямой, открытой, непосредственной, так и скрытой, опосредованной, завуалированной, имеющей намеренно неясный характер, затемняющий ее содержание. Реальность угрозы, ее существование в действительности означает, что она не является иллюзорной и осужденный ничего не выдумал, не вообразил, искусственно не сформировал в своих представлениях. Наоборот, реальность угрозы определяется ее очевидностью для осужденного, не вызывает сомнения даже в тех случаях, когда она не похожа на устрашение.

Очевидность необходимо оценивать с учетом ее обязательного осознания лицом, когда есть все основания опасаться ее осуществления [2]. Подобное субъективное восприятие обусловлено, как правило, рядом объективных обстоятельств, которые характеризуют форму выражения угрозы, значимость личности виновного в криминальном окружении, традициями тюремной субкультуры, взаимоотношениями с потерпевшим, обстановкой, местом совершения преступления и т. п.

Очевидность угрозы подкрепляется и тем обстоятельством, что фактически каждый осужденный знает, что угроза (в любой форме) – это не «голые» намерения виновного, это не пустой звук. Более того, лицо, высказывающее (демонстрирующее) угрозы, в случае невыполнения его требований, приказов, категорических указаний, императивных распоряжений обязано реализовать свои обещания о причинении вреда. В ином случае оно может потерять «авторитет», свое значение в сложившейся иерархии взаимоотношений, «уважение» в криминальной среде.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В уголовном праве выделяют еще один необходимый признак угрозы – ее наличность [11]. Данное понятие означает, что угроза в объективном плане имеет начало и у нее есть окончание. Начало преступления определяется моментом доведения угрозы до сведения адресата – передачи информации о решении причинить вред. На наш взгляд, угроза насилем является одномоментной, ее начало одновременно является и ее окончанием.

В соответствии с законом при угрозе применения насилия виновный преследует две альтернативные цели, о которых мы уже говорили, – это недопущение (воспрепятствование) исправления осужденного либо месть за оказанное им содействие администрации учреждения. Цель воспрепятствовать исправлению другого осужденного как результат виновного фактически не интересует. Исправится ли потерпевший в конечном итоге или нет, будет ли он совершать новые преступления после отбытия наказания или нет, «дезорганизатору» в принципе безразлично. Реализация умысла при угрозе насилем не охватывает столь отдаленную цель. В свою очередь, цель недопущения исправления как процесс для виновного является вторичной, сопутствующей, поскольку его основные усилия направлены на другое – на возмездие, расплату за неподчинение его требованиям. В уголовном законе это отражается в словосочетании – «месть за оказание содействия администрации учреждения». Оказание содействия выражается, как правило, в активных действиях осужденного в поддержании установленного порядка в местах лишения свободы, соблюдении режима содержания или, по крайней мере, в нейтральном, но законопослушном поведении. Следовательно, цели преступления (воспрепятствование исправлению и месть за содействие) взаимосвязаны и дополняют друг друга.

За последнее время в судебно-следственной практике все чаще фиксируются преступные угрозы применения насилия в отношении осужденных. Нередко такое устрашение осуществляется в скрытой, завуалированной, абстрактно-неопределенной форме. Своеобразие этих преступных посягательств в том, что обещание причинить зло внешне подчас не выглядит как запугивание. Однако по своему внутреннему (психическому) содержанию оно, безусловно, является реальной угрозой насилия.

Например, в 2021 г. Петушинским районным судом Владимирской области был осужден по ч. 1 ст. 321 УК РФ некто В., который отбывал наказание в одном из исправительных учреждений. В., пользуясь своим авторитетом в криминальной среде, дал распоряжение осужденному К. прокричать в открытое окно камеры режимного корпуса обращение к другим лицам: «Первый корпус без аппетита!». Тем самым В. призывал к объявлению голодовки. На следующий день многие осужденные отказались от приема пищи. На первый взгляд здесь нет преступления, поскольку якобы нет угрозы применения насилия в отношении осужденных. Однако это не так в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств.

Во-первых, такой публичный и внешне нейтральный призыв к бездействию на самом деле означает авторитарный приказ к невыполнению правил внутреннего распорядка дня. Фактически отказ от подчинения режиму содержания и групповое неповиновение и представляют собой формы дезорганизации деятельности исправительного учреждения. Такое властное распоряжение со стороны В. было адресно-конкретным, обращенным ко всем осужденным режимного корпуса № 1.

Во-вторых, место лишения свободы – это замкнутое пространство, в котором действуют негласные и жесткие нормы поведения. Межличностные отношения и неофициальный статус каждого осужденного поддерживаются за счет криминальной субкультуры [1, 4] – понятий, правил, манер, кличек, «воровских традиций» и т. п. Центральное место в этом ряду занимает тюремный жаргон – речь осужденных, которая содержит

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

искусственные и условные слова и выражения, отличные от общедоступного языка. Жаргонный приказ – «без аппетита» (отказ от приема пищи) содержит в себе скрытую угрозу, поскольку его невыполнение всегда влечет за собой жестокое наказание. Ясное понимание этого обстоятельства, очевидность и неизбежность реализации завуалированной угрозы и определяют дальнейшее поведение осужденных.

В-третьих, это осознание того, кто фактически отдавал подобное распоряжение. В. являлся так называемым авторитетом, одним из лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ). Он обладал правом «диалога» – правом обсуждения и решения проблем с администрацией, распределения среди других осужденных бытовых предметов, чая, сигарет, продуктов питания и т. п. Для укрепления своей значимости в исправительном учреждении В. мог отдавать приказы другим осужденным. Неисполнение властных требований криминального лидера [3] недопустимо, поскольку может принизить его роль («уважение», «авторитет») в преступной среде. Подобное неподчинение всегда жестко преследуется.

Судебно-следственная практика показывает, что для уголовно-правовой оценки угрозы применения насилия в завуалированной форме нередко требуется заключение специалистов. Например, в 2020 г. Петушинским районным судом Владимирской области был осужден по ч. 1 ст. 321 УК РФ некто П. Виновный угрожал применить насилие к другим осужденным в случае неподчинения его требованиям – отказаться от приема пищи. П. являлся «авторитетом» в криминальной среде. Находясь в камере режимного корпуса, он выкрикнул в открытое окно призыв следующего содержания: «Ставлю вас в курс, что арестанты камер 50, 51 и 52 сели на якорь. Поддержите порядочных арестантов Покровского острога, так как отдельные моменты с администрацией не решаются. С теми, кто не поддержит данный якорь, поступить в соответствии. Эта крытка не последняя». Ряд осужденных восприняли императивное требование П. как реальную угрозу насилием. На следующий день они объявили голодовку. По уголовному делу была проведена психолого-лингвистическая экспертиза. По заключению экспертов смысловое содержание высказываний П. заключалось в том, чтобы призвать осужденных к отказу от приема пищи. «Сесть на якорь» (как и «без аппетита») на тюремном сленге означает объявление о групповом неповиновении в форме организованной голодовки. Категорическое указание П. содержало завуалированную угрозу применения насилия в случае невыполнения данного распоряжения («С теми, кто не поддержит данный якорь, поступить в соответствии»). «Поступить в соответствии» – в соответствии с криминальными правилами поведения означает учинить физическую расправу. Завуалированное устрашение насилием распространялось и на будущее («Эта крытка (тюрьма) не последняя»). По существу, это запугивание насилием, обещанием мести за неподчинение и (или) содействие администрации.

Завуалированная угроза насилием в отношении осужденных может применяться и для осуществления других нарушений отбывания лишения свободы. Это могут быть требования «воров в законе» или «авторитетов» о забастовке (массовое прекращение работы или невыход на нее); групповом неповиновении (например, отказ расходиться после построения); совершении иных правонарушений или активном участии в них и т. п. В большинстве случаев во всех этих ситуациях открыто или негласно присутствует организатор, часто это осужденный, занимающий высшее положение в преступной иерархии. В связи с этим, видимо, актуальным становится решение вопроса о дополнении ст. 321 УК РФ таким квалифицированным составом преступления, как организация злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания в местах лишения

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

свободы. Подобная криминализация деяния, на наш взгляд, обусловлена рядом объективных и субъективных факторов.

Во-первых, это характер и степень общественной опасности деяния – объект посягательства (порядок управления) и возможность наступления негативных социальных последствий в случаях «успеха» установления криминальными лидерами собственной власти в исправительном учреждении. Во-вторых, это наметившаяся тенденция к неповиновению части осужденных требованиям администрации и увеличение числа уголовных дел об угрозе применения насилия. В-третьих, такая «организация-дезорганизация» в силу криминально-психологических причин не может фактически осуществляться без организатора преступления – лица, в руках которого сосредоточены все нити, ведущие к совершению преступления [10].

Указания в ч. 3 ст. 321 УК РФ об уголовной ответственности за дезорганизацию деятельности исправительного учреждения, совершенную организованной группой (то есть любым исполнителем или пособником), на наш взгляд, явно недостаточно. Именно организатор объединяет всех участников преступной группы; направляет их деятельность, осуществляет общее руководство, является наиболее социально опасным. С позиций юридической техники состав преступления, по нашему мнению, должен оставаться формальным. В УК РФ уголовная ответственность за организацию любой преступной деятельности (ст. 209, 210, 232, 241, 282.1, 322.1 и др.) не требует наступления последствий.

Список источников

1. Бабанина Д. В. Понятие «криминальная субкультура» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 3. С. 81–85.
2. Гаухман Л. Д. Проблемы уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями в СССР / под ред. И. С. Ноя. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1981. 159 с.
3. Давитадзе М. Д., Майстренко Г. А. Криминологическая характеристика личности осужденного, дезорганизующего деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 102–105.
4. Донченко А. Г., Бурмистрова А. С. Криминальная субкультура: понятие и виды // Евразийский юридический журнал. 2020. № 6(145). С. 277–279.
5. Житков А. А. Особенности конструирования состава дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, и перспективы его совершенствования // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 4(39). С. 12–19.
6. Кузнецова Н. Ф. Проблема квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. М. : Городец, 2007. 336 с.
7. Меерсон В. Р. Уголовная ответственность за действия, дезорганизующие функционирование учреждения уголовно-исполнительной системы, по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 34 с.
8. Назаров С. В. Угроза применения насилия как квалифицирующий признак дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 1(38). С. 81–86.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1984. 797 с.
10. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. Т. 1. 1133 с.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

11. Применение насилия. Понятие и квалификация : науч.-практ. пособие / под ред. А. В. Галаховой. М. : Норма, 2016. 335 с.
12. Сердюк Л. В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. 18 с.
13. Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И. Я. Казаченко, З. А. Незнамова. 2-е изд. М. : ИНФРА-М, Норма, 2000. 516 с.
14. Шарапов Р. Д. Преступное насилие. М. : Юрлитинформ, 2009. 490 с.
15. Шкеле М. В. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 22 с.

References

1. Babanina, D. V. 2022, 'The concept of "criminal subculture"', *Humanities, socio-economic and social Sciences*, iss. 3, pp. 81–85.
2. Gaukhman, L. D. 1981, *Problems of criminal and legal struggle against violent crimes in the USSR*, I. S. Noah (ed.), Saratov University, Saratov.
3. Davitadze, M. D. & Maistrenko, G. A. 2021, 'Criminological characteristics of the personality of a convicted person who disorganizes the activities of institutions providing isolation from society', *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 2, pp. 102–105.
4. Donchenko, A. G. & Burmistrova, A. S. 2020, 'Criminal subculture: Concept and types', *Eurasian Journal of Law*, iss. 6(145), pp. 277–279.
5. Zhitkov, A. A. 2020, 'Features of designing the composition of disorganization of institutions providing isolation from society, and prospects its improvement', *Bulletin of the Perm Institute of the FPS of Russia*, iss. 4(39), pp. 12–19.
6. Kuznetsova, N. F. 2007, The problem of qualification of crimes. Lectures on the special course "Fundamentals of crime qualification", V. N. Kudryavtsev (ed.), Gorodets, Moscow.
7. Meerson, V. R. 2022, *Criminal liability for actions that disorganize the functioning of the institution of the penal enforcement system under the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus (comparative legal research): PhD thesis (Law)*, Moscow.
8. Nazarov, S. V. 2018, 'The threat of violence as a qualifying sign of disorganization of the activities of institutions providing isolation from society', *Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*, iss. 1(38), pp. 81–86.
9. Ozhegov, S. I. 1984, *Dictionary of the Russian language*, Russian Language, Moscow.
10. Korobeev, A. I. (ed.) 2008, *Complete Course of Criminal Law*, in 5 vols, vol. 1, Law Center Press, St. Petersburg.
11. Galakhova, A. V. (ed.) 2016, *The use of violence. Concept and qualification: scientific and practical manual*, Norm, Moscow.
12. Serdyuk, L. V. 1979, *Mental violence as a subject of criminal law assessment: PhD thesis (Law)*, Moscow.
13. Kazachenko, I. Ya. & Neznamova, Z. A. (eds) 2000, *Criminal Law. General part*, 2nd edn, INFRA-M, Norm, Moscow.
14. Sharapov, R. D. 2009, *Criminal violence*, Yurлитinform, Moscow.
15. Shkele, M. V. 2001, *The method of committing a crime and its criminal legal significance: PhD thesis (Law)*, St. Petersburg.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Информация об авторах

А. М. Плешаков – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник;

Г. С. Шкабин – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник.

Information about the authors

A.M. Pleshakov – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher;

G. S. Shkabin – Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 04.07.2022; одобрена после рецензирования 28.07.2022; принята к публикации 25.08.2022.

The article was submitted 04.07.2022; approved after reviewing 28.07.2022; accepted for publication 25.08.2022.